

“СТАЛИН ОТОМСТИТ...”

Если верить интернету, то на сегодня в мире издано почти десять тысяч названий книг с именем Сталина в заголовках, написано более ста его биографий. Никто другой из знаменитых людей XX века не удостоился такого внимания человечества.

И в то же время в связи с приближением 130-летней годовщины со дня его рождения вся русофобская рать отечественных СМИ ежедневно выбрасывает на наши телеэкраны псевдоисторические хроники и киноподелки о лагерях, о Холокосте, о “деле врачей”, о сталинском сговоре с Гитлером и т. д. Правда, в последнее время высшая власть вроде бы опомнилась, когда европейские парламентарии внаглую приравняли сталинскую эпоху к гитлеровской, а поскольку нынешняя Россия в 1991 году объявила себя правопреемницей Советского Союза – то до них дошло, что, глядишь, у кремлёвских властителей Европа потребует компенсаций, как их востребовало мировое еврейство с исторической правопреемницы Третьего Рейха Западной Германии... Поэтому кое-какой отпор, хотя и с оговорками, на сентябрьской встрече в Гданьске, посвящённой началу Второй мировой войны, Путин нынешним европейцам – прямым генетическим наследникам фашизма – оказал... Прочитать бы ему ещё всем этим анжелам и хавьерам стихотворение Юнны Мориц, опубликованное недавно в “Литературной газете”, как отклик на это шизофреническое решение Европарламента:

Мы?.. Гитлеру?.. Равны?
Да он родной ваш папа!
Теперь вы влюблены
В культурный слой гестапо.
Теперь у вас в мозгу
Такой завёлся счётчик,
Что должен вам деньгú
Убитый русский лётчик.

Все мировые и отечественные русофобские силы не могут до сих пор простить Сталину перерождения крестьянской России в мощную индустриальную державу, выстоявшую в борьбе с объединённой фашистской Европой, двух легендарных парадов – 7 ноября 1941-го и 24 июня 1945 годов, исторической здравицы в честь русского народа, создания атомного щита нашего Отечества, благодаря которому мы ещё не стали полной колонией хищного Запада. И, конечно же, костью в горле стоит у них – преступных приватизаторов общенародного богатства – личное бескорыстие владыки полумира... А какой вопль вырвался из глоток отечественных правозащитников, когда имя Сталина

было восстановлено на станции метрополитена, лучшего в мире и воздвигнутого по его воле не для членов Политбюро, не для элиты, а для всего народа.

Когда-то сразу после XX хрущёвского съезда Компартии поэт-фронтовик Борис Слуцкий написал стихотворение о казни сталинской комсомолки Зои Космодемьянской. Оно заканчивалось так:

Под виселицу белую поставленная,
в смертельной окончательной тоске
кого она вспомняла? — Сталина,
что он — придёт! Что он невдалеке.

О Сталине я думал всяко-разное.
Ещё не скоро подобью итог.
Но это слово, от страданья красное,
за ним. Я утаить его не мог.

А нынешние, начиная от кремлёвских борцов за историческую правду и кончая верными слугами олигархической шайки всяческими сванидзе, млечными, познерами, с пеной на губах пытаются убедить ограбленное их хозяевами российское простонародье, что самое страшное зло сегодня — это Сталин. Страшно им за себя и за своих детей, живущих на Рублёвке, в Лондоне, в Майами. Они боятся даже сталинской тени. Всем европейским “антифашистам” и всем российским общественным деятелям еврейского происхождения, изнемогающим в борьбе с “русским фашизмом” (А. Гербер, А. Брод и т. д.), я бы посоветовал прочитать публицистический шедевр Василия Гроссмана “Треблинский ад”, в котором будущий кумир либеральной интеллигенции написал в разгаре войны после посещения Треблинки честную правду о том, что спасение евреев, томящихся в гимmlеровских концлагерях, зависело только от русского солдата и от Советской армии:

“Весь мир молчит... Молчит Лондон, молчит Нью-Йорк. И только где-то за много тысяч километров ревет советская артиллерия на далёком волжском берегу, упрямо возвещая великую волю русского народа к смертной борьбе за свободу”.

“Сам Гимmlер прилетел самолётом в Треблинку и приказал срочно замести следы преступления <...> такое эхо вызвал могучий удар русских, нанесённый немцам на Волге”.

“Рассказывали о мальчике, кричавшем у входа в “газовню”: “Русские отомстят, мама, не плачь”.

“Удалось спастись варшавскому столяру Максу Левиту <...> он рассказал, как, лёжа в яме, слушал пение тридцати мальчиков, перед расстрелом затянувших песнь “Широка страна моя родная”, и слышал, как один из мальчиков крикнул: “Сталин отомстит”.

Этот мальчик, ничего не знавший о Зое Космодемьянской, буквально повторил её предсмертные слова.

Швыдкому тоже не мешало бы вспомнить эти слова Гроссмана в телепередаче о “русском фашизме”.

Но чем яростнее политические болтуны пытаются оболгать и развенчать Сталина, тем уверенней с каждым годом мнение народное ставит его имя на первые места в ряду великих людей нашего прошлого.

Ярослав Смеляков — страстный поэт сталинской эпохи — настолько верил в правду поэзии, что написал однажды: “Ежели поэты лгут, значит, жить не можно”.

Вот почему мы предлагаем читателям стихи современных поэтов о Сталине, написанные не в эпоху “культы личности”, не в годы войны, не во время хрущёвской “оттепели” или брежневского “застоя”, а в последнее двадцатилетие, когда бешеный антисталинизм победившей антинародной касты достиг самого высокого градуса. Но ответом ему были мужественные стихи русских поэтов, отстоявших честь и русской литературы, и отечественной истории.

Это их вклад во всенародное голосование на тему “Имя Россия”.

Станислав Куняев

ВИКТОР БОКОВ

ФАМИЛИЯ

Фамилия вождя, пришедшая с Кавказа,
И серая вождёвая шинель
Была сильна, отважна, многоглаза,
И не было фамилии сильней.

Она сверкала на квадрате мрамора
Заглавной буквой в сталинской судьбе,
Над ней летали грамота охранная
И органы с названием КГБ.

Она и до сих пор ещё не стёрта.
Живая жизнь зовёт её сестрой.
Её непобедимая аорта
По трубам века разгоняет кровь.

Я жил при ней, я ей махал рукою,
Я признавался: мне не жить в раю.
Прости, мой вождь, что я побеспокоил
Бессмертную фамилию твою!

1999

* * *

Я Сталина ругать перестаю!
В Сибирь из-за него я не поеду.
Я на другой позиции стою:
Зачем ругать? Он одержал Победу.

Он правил нами, пальцы сжав в кулак,
Он золотом на всех знамёнах вышит.
Хулители его теперь скулят,
Но Сталин сделал дело,
он не слышит!

Я видел его серую шинель,
Воспринимал её как символ века.
Я думаю, что не было сильней
Во всей державе нашей человека.

А Пётр когда-то сам казнил стрельцов
И находил для этого улики.
Забыли это всё в конце концов,
Но не забыли званья Пётр Великий!

1998

ЮРИЙ КУЗНЕЦОВ

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ “СОШЕСТВИЕ В АД”

Кто там летает и дует, как ветер в трубу?
Это проносится Гоголь в горящем гробу.
Раньше по плечи горел, а теперь по колени.
Гоголь всё видит и чувствует сквозь вечные тени.
Хлюпает носом огарок последней свечи,
Словно хлебает кацап с тараканами щи.
С тыла Мазепа, а с рыла заходит Бандера.
Цыц, бандурист! Оборви свои струны, бандура!
Батько, поглянь! На закате великая тьма.
Чёрт на кону. Украина рехнулась ума...
Словно трепещет разбитая насмерть голубка,
Трубка Тараса дымится в аду. Только трубка.
— Вижу, всё вижу! — ответил Тарас, как в трубу.
Гоголь услышал, и вздрогнул в горящем гробу,
И разрыдался. А голос козацкий из Рая
Долго трубил, постепенно в аду замирая...

Опыты ада все длились и длились... Доколе?
Наши глаза начинали блуждать поневоле.
Встретили Сталина. Он поглядел на меня,
Словно совиная ночь среди белого дня.
Молча окстился когда-то державной рукою,
Ныне дрожавшей, как утренний пар над рекою.
Всё-таки Бог его огненным оком призрел:
Раньше по плечи, теперь он по пояс горел.
Что-то его беспокоило. Отблеск кровавый
Пал на него от пожара великой державы.
— Где моя трубка? — сказал, озираясь кругом.
— Вот моя трубка! — Объятый по пояс огнём,
Он прикурил от него, пыхнул дымкой и скрылся.
Сталинский след в гальванической дымке искрился.
Зной и мороз сочетались, как нечет и чет.
Рузвельт и Черчилль топтались, одетые в лёд.
Сверху на головы сеяло огненной крупкой.
— Бывший союзник никак не расстанется с трубкой, —
Рузвельту Черчилль заметил. — Хотел бы я знать,
Как ему здесь удаётся табак доставать?
Рузвельт присвистнул — как чёрт в костяную свистульку:
— А ведь он курит чужую казацкую люльку!..

2002

ВЛАДИМИР КОСТРОВ

* * *

До чего нестерпимо и жёстко подуло...
Мы дерёмся, как свиньи у тощего бурта.
Не сложить ли в свирель автоматные дула,
Не сыграть ли мелодию русского бунта?

Под ракетным прицелом Америк и Азий
Смысл такой:
 чтоб тебя провели как мальчишку.
Усмехается в трубку усатый кавказец
И уже поднимает гранитную крышку.

Под мелодией дикой, душевнобольною
Даже в общем названье одни печатки.
...Ну как явится снова, сверкая бронёю,
И пройдёт в сапогах
 по морозной брусчатке?

Вновь пройдёт, загоняя в леса и карьеры,
По делам интендантов,
 телам претендентов,
По префектам и мэрам, не знающим меры,
По всему преёскуранту
 Страны Президентов.

И сметая препоны, круша ограждения,
Как подлодки, имея расчётную дальность,
Из глубин подсознания
 всплывут привиденья,
Словно самая грозная наша реальность.

До чего нестерпимо и жёстко подуло.
Нас, как снежных людей,
 заметает метелью.
Не спясть ли опять окаянные дула
И назвать их последнею нашей свирелью?

1993

ЮРИЙ ЛОЩИЦ

ПРОЩЁНЫЙ ДЕНЬ

Облаянный всеми, кому не лень,
во всём обвинённый, за всех,
позволь мне, в этот прощёный день
хоть один сниму с тебя грех.
Советской попсы как ни боек припляс,
а всё же в застолья час
ты наши долгие песни певал
про степь да про море-Байкал.
С бродягой бродяжил,
пил с ямщиком,
по матери старой тужил.
В такую-то ночь, от себя тайком,
ты русским запасом жил.
В тайге не пропал, не замёрз во льдах,
но за песни те до сих пор
обывает тебя и кромсает твой прах
ненасытный шакалий хор.

2006

АЛЕКСАНДР БОБРОВ

УРОКИ XX СЪЕЗДА

Когда Хрущёв почти в истерике,
На кузькину ссылаясь мать,
Грозил зажавшейся Америке
Догнать и даже перегнать,
Когда в канун Святого Сретенья
Он открывал XX съезд,
Ему не те подсунул сведения
Какой-то Суслов или бес.

Генсек не просто культ развенчивал,
А бомбу толом начинал.
Державу славную развинчивал,
Вернее, только начинал.
Потом пришли шестидесятники,
И дрогнул русский исполин.
Хотя ещё остались ратники,
Солдаты, бравшие Берлин.

Со съезда всё пошло-поехало.
А первым стал, конечно, Крым...
Для нас с прорухами-прорехами
Призыв догнать — недостижим.
Плевать! Но с рухнувшего берега
Мы начинаем замечать:
Смешней, чем перегнать Америку,
Была попытка — развенчать.

Все, кто шинель вождя примеривал,
Хоть в “оттепель”, а хоть — сейчас,
Таковыми кажутся пигмеями
Под взглядом этих рысьих глаз!

1996

ВАЛЕРИЙ АЛЕКСЕЕВ

МОЛИТВА СТАЛИНИСТА

Уж ты прости меня, Отчизна,
я жил великой цели для
и, веря в царство коммунизма,
не нажил лишнего рубля.
Жил не валютой пресловутой,
а солнцем сталинских идей...
О, где ты, наш правитель лютый,
восстань из гроба хоть на день!
В стране стряслось у нас такое,
что сердце ёкает в груди.
Восстань!.. И твёрдою рукою
порядок строгий наведи.
Я был под Брестом и под Псковом,
но не погиб в бою от ран...
И я тебя, отца родного,
прошу, как старый ветеран,

устрой стране головомойку
и разберись: кто друг, кто враг?!
По тем, кто начал перестройку,
давно соскучился ГУЛАГ.
Для новоявленных баронов,
в царьки шагнувших из нулей,
колючки ржавой и патронов,
прошу тебя, не пожалей.
Услышь мою молитву-оду,
восстань из гроба хоть на день
на радость нашему народу
и китель праздничный надень!

2003, г. Ангарск

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

* * *

Который год перемывают кости,
полощут имя грозное в грязи.
Покойникам нет мира на погосте,
нет и живым покоя на Руси.

Нам говорят, что он до самой смерти
был дружен с Князем тьмы.
Но отчего
трепещут и неистовствуют черти
до сей поры при имени его?

2003, Новосибирск

ТАТЬЯНА ГЛУШКОВА

ГЕНЕРАЛИССИМУС

Он не для вас, он для Шекспира,
для Пушкина, Карамзина,
былой властитель полумира,
чья сыть, чья мантия — красна...

Чей белый китель так сверкает,
как в небе облачко — в тот час,
когда Спаситель воскресает
и смотрит ласково на нас...

И вот уже отверсты храмы,
и Лета Многая поют
тому, чья смерть — не за горами,
кого предательски убьют.

И он, пожав земную славу,
один, придя на Страшный Суд,
попросит: “В ад!..

Мою державу
Туда стервятники несут...”

11 октября 1994

ПАРАД ПОБЕДЫ

Тот голос хриплый, окрылённый,
и грозный маршал на коне,
и ты, народ непокорённый,
в весеннем сне явились мне.

Июнь был влажным и зелёным,
и в искрах тёплого дождя
оно казалось измождённым,
лицо бессменного вождя.

Он не смотрел как триумфатор.
он с виду старый был солдат:
полковник, что теперь за штатом,
“слуга царю, отец солдатам”? —
о, нет!.. А всё же некий фатум
таил его усталый взгляд.

Штандарты, алые знамёна,
фронтов неодолимый шаг.
О, как он смотрит напряжённо
на эту сталь, на чёрный прах

чужих полотнищ: древком долу
как их швыряют от бедра —
как к богоравному престолу
иль в пасть священного костра —

к стене Кремля!.. И в этом жесте,
небрежном, рыцарском, — не месть:
брезгливость, воля, чувство чести —
Отчизны царственная честь!

А он спокойного вниманья
исполнен — вместо торжества.
Недвижный в дождевом тумане
и на ликующем экране
приметный, может быть, едва.

Он не сказал тогда ни слова —
как и положено тому,
кто глянет ясно и сурово
с небес в зияющую тьму

своей, столь одинокой, смерти,
своей, уже чужой, страны...
И он мне чудится, поверьте,
невозвратившимся с войны.

10 мая 1994

21 декабря исполнилось 70 лет со дня рождения замечательного поэта, ярко критика, острого и беспощадного публициста Татьяны Михайловны Глушковой.

Отличительным свойством её поэтического таланта была безоглядность. Она, как поэт, искала абсолюта во всём, каждое ощущение воплощала с максимальной силой, каждый эмоциональный всплеск доводила до своего предела. При всём трагизме мироощущения, когда речь заходила о России, в её голосе начинали звучать ноты патетические, и этот пафос был неотделим от переживания свершившейся или свершающейся трагедии. Шедевром отечественной публицистики стала опубликованная в нашем журнале пророческая статья «Хищная власть меньшинства», посвящённая приснопамятной «Парижской хартии для новой Европы».

Наши идейные и человеческие разногласия останутся в прошлом, а всё ценное из наследия нашей соратницы, замечательного писателя, неизбежно станет достоянием новых поколений.